

Раздел I. Особенности народных исторических представлений, хронографии и мифоистории славян

О.В. Матвеев (г. Краснодар, Россия)

ИСТОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ: ОТ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОШЛОМ К НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Славянские народы, связанные этногенетическим и языковым родством, прошли за полтора тысячелетия весьма непростой, во многом драматичный путь исторического развития. После расселения в раннем Средневековье на огромном пространстве от Вислы до Днепра и от Балтийского моря до Адриатического говорить о славянском мире как о чем-то едином трудно [1]. К тому же к началу XIX в. славянские народы, кроме русских, потеряли свою независимость и жили в пределах Оттоманской Порты, Российской и Австрийской империй, а также в Пруссии и в Саксонии. Конфессиональные и государственные границы, активные процессы ассимиляции австрийских и турецких славян, попытки отстоять свою идентичность в европейском и азиатском окружении сказались на самооощении и самосознании славян России и зарубежья [2]. Характерной реакцией отторжения навязываемых им идеологических и исторических моделей стало конструирование чехами, болгарями, украинцами, поляками, русскими собственной картины мира.

Сегодня в нашей историографии основательно подзабыто четкое разграничение двух этапов в развитии истории как науки о прошлом человечества (включая славян) во всем его многообразии и конкретности. Я имею в виду важное методологическое положение, выдвинутое в исторических трудах Н.Л. Рубинштейна, Л.В. Черепнина, М.А. Алпатова, С.А. Токарева, о донаучной и научной истории. Традиционная история и научная история соответствуют различным уровням исторического познания, двум этапам развития научных знаний вообще [3]. В отличие от науч-

ного исторического описания мира особенность народного восприятия истории славянами заключалась в том, что оно абсолютизировало модель своего развития в прошлом, подвергало сакрализации деятелей истории, превращало их в культурных героев, подвергало демонизации врагов, обозначало атрибуты и символы, связывающие целые поколения сербов, белорусов, словаков, русин.

Народные исторические представления славян в форме эпоса, сказаний, этногенетических легенд явились ранней формой исторического сознания. Польские и чешские сказания о мифических прародителях трех славянских племён Лехе, Чехе и Русе, юнацкие эпические песни балканских славян о Марко Краевиче, русские былины, украинские думы отличались сложным характером функций, создавали организованное историческое пространство, стиравшее границы между достоверной и вымышленной картинами. Такой тип исторического и одновременно мифологического сознания отождествлял генезис и сущность, создавал модели и героические образцы, фиксировал точки отсчета славянской истории, выстраивал пантеон предков, заменял причинно-следственные связи прецедентом. Воевода Чех приводит первопоселенцев в пустынные и богатые водой и живностью места [4], учит их земледелию и охоте, устанавливает первые законы. Крак, легендарный правитель Польши, основатель Кракова, освобождает свой народ от чудовища-людоеда. Пирь князя Владимира в древнерусских былинах выступают своеобразным центром общественной жизни Киева, отражают реальное социальное поведение, быт княжеской дружины. Но вместе с тем это эпическое общество с типовым характером персонажей и сюжетов [5].

С появлением славянской письменности народная история не только послужила одним из источников древнерусских летописей, польских и чешских средневековых хроник, но и продолжала сосуществовать наряду с ранними памятниками исторической мысли Болгарского царства, Древней Руси, средневековой Польши. «Свое повествование, – писал в «Чешской хронике» декан капитула собора Св. Вита Козьма Пражский, – я начал от времен первых жителей Чешской земли; и о том немногом, что стало мне известно из преданий и рассказов старцев» [6]. Козьма отличает

предание, миф от достоверного исторического факта, но не всегда проводит это разделение, особенно при изложении событий «мифологического периода». Возражая историкам, которые считали предания «Хроники» малоценными, исследователь социалистической Чехословакии Зденек Неедлы указывал на очень важные рациональные моменты этих источников. Подчеркивая традиционные элементы в описании Козьмы, Неедлы отмечал, что в зафиксированных «Чешской хроникой» преданиях «сохранились следы исторической действительности, воспоминание о первобытном общественном устройстве в Чехии» [7].

В то же время народный взгляд на прошлое хорватов, болгар, поляков нередко представлял собой альтернативу созданным в монастырях и в княжеских покоях официальным концепциям истории. В русских былинах нет княжеских усобиц XI–XIII вв., составляющих неотъемлемую часть феодальной жизни Древней Руси, нет воспевания княжеских дел, характерного для «Повести временных лет»; князья никогда не участвуют непосредственно в битвах. Обобщенный образ князя Владимира не содержит в себе ничего героического, наоборот, князь обычно нуждается в помощи, печалится, жалуется богатырям [8]. Б.Д. Греков справедливо называл былины народным устным учебником истории [9]. Спустя семь столетий после своего создания былины знакомили архангельских поморов, донских и терских казаков с былым блеском Древней Руси, её богатырями, расширяли исторический кругозор русского народа вне зависимости от спускаемых сверху официальных концепций прошлого. Если для летописной княжеской версии важно было подчеркнуть нерусское происхождение Рюрика, то народное предание отмечало роль славянского правителя Гостомысла, дочь которого стала матерью Рюрика. Тем самым «варяжская» династия Рюриковичей оказывалась изначально наполовину славянской: не имея мужского потомства, Гостомysl завещает новгородцам избрать себе князем Рюрика [10].

В Болгарии в результате утраты политической независимости в XI в. произошло умирание дружинно-аристократической культуры. Поэтому «Апокрифическая болгарская летопись» начала XII столетия – легендарно-фантастическая интерпретация болгарской истории с VII по XI вв. – анонимна, связана с устной

народной традицией, близкой к богомильским верованиям [11]. В то же время историческая традиция нового центра сербской государственности в Рашке в поисках предыстории правящей династии Неманичей обратилась не к народному преданию, а к внешней истории. Это привело к появлению фантастической легенды о происхождении Неманичей от римского императора Лициния [12].

Польские средневековые хроники явились памятниками рыцарско-династической культуры; их авторы писали историю монархов и династий [13]. Козьма Пращский также почти ничего не говорит о простонародье, считая безусловное подчинение господину законом общества [14], стоит на защите господствующего рода Пржемыслов, с большой симпатией говорит о тех чешских князьях, которые боролись против язычества и укрепляли христианство [15]. Историческую культуру польской, украинской и белорусской шляхты определяла в XV–XVII вв. идеология сарматизма. Сарматский генеалогический миф, направленный на подтверждение глубоких исторических корней от известных по античным источникам древних сарматов, служил аргументом в пользу социальной и политической исключительности дворянства [16]. Исторический процесс осмысливался в моральных категориях. Связующим звеном между прошлым и настоящим являлся род – символ сохранения и передачи исторического опыта. Прошлое Речи Посполитой в целом и конкретного рода в частности давали авторам хроник рубежа XV–XVI вв. Я. Длугошу, М. Меховскому, М. Стрыйковскому и др. еще одно обоснование особенным добродетелям шляхтича, присущим ему по рождению [17]. Украинская шляхта разделяла эти представления об истории. Но акцент здесь ставился не на продолжении античных традиций политического устройства, а на преемственности религиозного и культурного наследия от первых киевских князей. Украинский рыцарь-сармат – это не только шляхтич, но и казак [18]. Запорожские казаки вели свои хроники [19], но сведения о прошлом черпались чаще из преданий, народных дум, устной традиции; важное значение придавалось сохранению «доброего имени» в народной памяти [20].

На рубеже XVIII – первой трети XIX вв. устные традиции оказали мощное воздействие на исторические труды просветителей славянских стран, «будителей», как их тогда называли. Народный опыт познания прошлого обильно питал национальное самосознание славянского Возрождения, романтизм в национальных культурах, формирование литературных языков и борьбу за национальное освобождение поляков, сербов, чехов, болгар [21]. «История славяноболгарская» Паисия Хилендарского, «История разных славянских народов» сербского историка Йована Раича, работы словака Яна Хрдлички, романтический историзм польских просветителей Юлиана Урсына Немцевича и Вавжинеца Суroveцкого, хорватский иллиризм во многом основаны на фольклорных сюжетах героического прошлого славянских народов. В это же время на Украине И.И. Срезневский поставил задачу восстановить по памятникам казацкого фольклора «славную историю» казачества. В предисловии к первому выпуску «Запорожской старины» Срезневский подчеркивал: «Хотя предания о старине, ими рассказываемые, и подлежат строгой критике, но тем не менее почти необходимы для всякого, кто желает знать историю запорожцев и даже остальной Украины» [22]. Другой украинский автор Н.И. Костомаров в своей диссертации доказывал существование определенного народного характера, «по которому целая масса может быть рассматриваема как один человек» [23]. Историк должен уловить и понять этот характер, и для этого нужно пойти тем же путем, каким изучают отдельного человека, т. е. найти такие источники, в которых бы народ «высказал себя бессознательно».

Открытие в четырех крупнейших университетах – Петербургском, Московском, Казанском и Харьковском – кафедр славистики, поездки для сбора материалов в славянские страны известных русских ученых способствовали оформлению в России славяноведения как комплексной историко-филологической дисциплины [24]. Именно российское славяноведение своим системным подходом, наработанным за два столетия методологическим инструментарием до сих пор позволяет гармонично рассматривать взаимосвязи устной и письменной исторической традиции славянских народов.

Борьба за освобождение Болгарии, Сербии и Черногории от османского ига, польские восстания также стимулировали национальные усилия всех славянских народов, направленные на познание своего прошлого. Но во второй половине XIX в. историки славянских стран во многом оказались под воздействием методологии немецкого позитивизма. Так, выдающийся чешский историк Ярослав Голл, исходя из формулы «наука ради науки», не признавал связи исторического познания и идеологии. Именно эта позиция определила его негативное отношение к трудам Томаша Масарика и к возможностям применения методов социологии в историческом исследовании [25]. «Нет документа – нет истории», таково было тогда непреложное правило позитивистского источниковедения. Однако вряд ли полностью справедливо мнение о падении интереса славянских историков к устным источникам, установлении культа факта и абсолютизации документа, главным образом архивного. В этом плане интересна полемика Н.И. Костомарова и С.М. Соловьева о подвиге Ивана Сусанина. Как раз подвижник устной традиции Н.И. Костомаров поставил под сомнение самый факт подвига Сусанина. Ему возмущенно ответил блестящий знаток письменных источников, знаменитый историк С.М. Соловьев: «Мы видели, что г. Костомаров понапрасну употреблял приемы мелкой исторической критики, подкапываясь под известие о подвиге Сусанина. Для подобных явлений есть высшая критика. Встречаясь с таким явлением, историк углубляется в состояние духа народного, и если видит большое напряжение нравственных сил народа, какое было именно у нас в Смутное время, если видит подвиги Минина, Пожарского, Ржевского, Философова, Луговского, то не усумнится признать достоверным и подвиг Сусанина, не станет подвергать мученика новой пытке, допрашивать: действительно ли он за это замучен и было ли из-за чего подвергаться мучениям!» [26]. С.М. Соловьев был глубоко прав, призывая исходить из народного отношения в оценке таких явлений, как подвиг Сусанина, ставший символом самоотверженного патриотизма. Но в данном случае факт блестяще выдержал и тщательную научную проверку – сопоставление с достоверными документами. Такое сопоставление было проведено и в XIX в., и несколько десятилетий назад – со-

ветским историком В.И. Бугановым. Оказалось, что факты, которые Костомаров счел навязанными сверху народной молве в позднее время, подтверждаются несколькими грамотами XVII в. [27].

Первая мировая война и революции, в результате которых распались Австро-Венгерская, Российская и Османская империи, привели к расширению круга славянских государств, оформлению собственно польской, югославской, чехословацкой, украинской, белорусской историографий. В последних уживались консервативные и реформистские направления, марксизм и национализм. Но создание благоприятных условий для развития национальной науки и культуры осложнялось вмешательством политической идеологии, требовавшей от историков обязательного участия в создании очередных национальных мифов. Б. Йоцев рисовал возрождение болгарского народа как процесс непрерывного развития национального духа. Хронологические рамки этого процесса Б. Филов и Б. Йоцев, занимавшие высокие посты в иерархии монархо-фашистской диктатуры, неоправданно расширяли до современности [28]. В Польше после переворота 1926 г. сложилась группа историков (О. Гурка, В. Лапиньский, В. Побуг-Малиновский), связанных с режимом санации. Ее кредо было сформулировано Ю. Пилсудским в статье «Поправки к истории», где в центр исторического процесса ставилась «сильная личность» [29]. Причины поражения польских восстаний XIX в. санационные историки сводили к отсутствию «сильной личности», восхваляли восточную захватническую политику Речи Посполитой, обвиняли не разделяющих эти концепции исследователей в «национальной безответственности». Хорватских историков этого времени отличала борьба с великосербским гегемонизмом и влияние на их сочинения католической церкви [30].

После Второй мировой войны все славянские страны оказались в социалистическом блоке, что предопределило утверждение в исторической науке марксистской методологии. Как бы ни оценивалась эта противоречивая и драматичная эпоха сегодня, многие историки из Польши, бывших Чехословакии, Югославии, СССР практически единодушно вспоминают о фундаментальных научных программах исследования истории и культуры славян-

ских народов, плодотворном общении на международных форумах, длительных стажировках, складывании, по сути дела, единого научного славяноведческого пространства. «Бархатные революции» 1989 г. в Восточной Европе, распад СССР, развал Югославии, развод Словакии и Чехии самым разрушительным образом сказались на этих взаимополезных связях. Война на Балканах, где славяне воевали со славянами, русофобия, охватившая не только Польшу, но и Болгарию, и даже Украину, привели к возрождению негативных стереотипов в историографии. При этом устная история, которая, к примеру, в социалистической Польше в методологическом и источниковедческом отношении переживала настоящий расцвет, была искусственно поставлена на службу национальной мифологии. Проекты, связанные с изучением «этнических чисток» сербов, «голодомора» на Украине, трагедии Катыни, часто носят политизированный и спекулятивный характер [31].

Многие сюжеты устной исторической традиции призваны при этом обосновать национальную исключительность и государственную идеологию. Отметим, к примеру, отношение в современной исторической литературе Беларуси к полоцкому князю Всеславу, которого во всех учебниках называют «Всеславом Вещим» или «Всеславом Чародеем». Всеслав Брячиславич предстает национальным символом, а противостояние полоцкого князя с Ярославичами В.К. Чаропка, С.В. Тарасов, А.Р. Андреев и другие авторы выставляют эпопеей борьбы за национальную независимость первого «белорусского государства» [32]. При этом князь оказывается не чуждым и имперских амбиций, в связи с чем обыгрывается таинственная фраза из «Слова о полку Игореве»: «Всеслав... из Кыева дорискаше до кур Тмутороканя». Белорусский автор утверждает: «После удачного похода под его руководством на Тмутаракань Киевское княжество получило выход к Чёрному морю. Под властью полоцкого князя Всеслава Чародея оказалась огромная территория – от Балтийского до Чёрного моря. Позже идея создания государства от моря до моря, охватывающего весь торговый путь «из Варяг в Греки», была реализована в виде могущественной империи – Великого Княжества Литовского» [33].

Такой слишком прямолинейный «перевод» мифологического пространства в реальное историко-географическое имеет место и в других славянских государствах. В Македонии 1990-х гг. стала утверждаться концепция «античного македонизма», передвинувшая зарождение македонского народа в еще более удаленное прошлое – в IV в. до н.э., во времена Филиппа II и его сына Александра Великого. Соответственно этой концепции, современные македонцы являются потомками античных македонцев, а Республика Македония – наследницей державы Александра Македонского [34]. Это вызывает сильное раздражение Греции, протестующей против употребления топонима «Македония» в качестве названия для славянского государства и расширения поля национальной истории за счет античности. Болгарские исследователи возмущены тем, что македонские историки объявляют возникшую в конце X в. «державу Самуила» первой формой македонской государственности. В исторической литературе эту державу обычно называют Западно-Болгарским царством, и большинство исследователей полагает, что ни о какой этнокультурной специфике славянского населения Македонии в средневековый период говорить не приходится.

Всё это само по себе интересно в плане анализа типичного механизма современного мифологического сознания. Но избирательный подход к накопленному громадному опыту славянской историографии, фольклористики, эпосоведения, этнолингвистики, отбор фактов противостояния, образов врага, комплексов величия и мученичества, превращение прошлого в мозаику воюющих между собой национальных историй оказывает плохую услугу славянским народам. Хочется надеяться, что огромное историческое наследие, а также свойственная славянам широта души, близость языка, традиций и обрядов, духовное подвижничество, братство, которое рождалось под занесенными тевтонским мечом и османским ятаганом, поможет возвыситься над предубеждениями, увидеть за мутной пеленой, нагнетаемой безответственными национальными лидерами, всё лучшее, что объединяло украинцев и русских, поляков и русских, сербов и хорватов, чехов и словаков на тернистых путях их истории.

Примечания

1. *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб., 1996. С. 10.
2. *Никифоров К.* Куда ж России без славян // Родина. Российский исторический журнал. 2006. № 4. С. 1.
3. *Черепнин Л.В.* Русская историография до XIX века. М., 1957. С. 25–27; *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М., 1973. С. 7–8; *Урсу Д.П.* Историография истории Африки. М., 1990. С. 37–39.
4. *Ирасек А.* Старинные чешские сказания / пер. с чеш. М.Я. Лялиной. М., 1983. С. 14.
5. *Фроянов И.Я., Юдин Ю.И.* Былинная история (работы разных лет) / под ред. К.В. Чистова. СПб., 1997. С. 498.
6. *Козьма Пражский.* Чешская хроника / вст. ст., пер. и коммент. Г.Э. Санчука. М., 1962. С. 28.
7. Там же. Прил. С. 247.
8. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 151–152.
9. *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1949. С. 5.
10. *Азбелев С.Н.* История России в народной памяти // Тысяча лет русской истории в преданиях, легендах, песнях / сост., вст. ст., коммент. С.Н. Азбелева. М., 1999. С. 4.
11. Хрестоматия по истории южных и западных славян. Т. 1. Эпоха феодализма. Минск, 1987. С. 45–46.
12. *Алексеев С.В.* Славянская Европа V–VIII вв. М., 2009. С. 87.
13. *Зашильняк Л.А.* Формирование и развитие исторической науки в Польше. Львов, 1986. С. 5.
14. *Козьма Пражский.* Чешская хроника. С. 54.
15. Там же. С. 64.
16. *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002. С. 165.
17. Там же. С. 166–167.
18. Там же. С. 142.
19. *Таёжная Л.Я.* Запорожское казачество как носитель славянской культуры. К постановке проблемы // Славянская традиционная культура и современный мир. Сб. материалов научно-практической конференции. Вып. 4. М., 2002. С. 24.
20. *Лескинен М.В.* Указ. соч. С. 167.
21. *Никифоров К.* Указ. соч. С. 1.
22. Цит. по: *Азадовский М.К.* История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1. С. 270.

23. *Костомаров Н.И.* Историческое значение южнорусского песенного творчества // Костомаров Н.И. Славянская мифология. Исторические монографии и исследования. М., 1994. С. 57–58.
24. *Никифоров К.* Указ. соч. С. 1.
25. *Историография истории южных и западных славян.* М., 1987. С. 70.
26. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. X. (т. 19–20). М., 1963. С. 361–362.
27. *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991. С. 224.
28. *Историография истории южных и западных славян.* С. 126.
29. Там же. С. 100.
30. Там же. С. 118–119.
31. См.: *Ткаченко Г.С.* Миф о голодоморе – изобретение манипуляторов сознанием // Пресс-служба Леонида Грача. 2008-11-20; Катунь. Свидетельства, воспоминания, публицистика / пер. с польск. К. Старосельской и С. Ларина. М., 2001.
32. *Чаронка В.К.* Имя у летопису. Минск, 1994; *Тарасов С.В.* Чародей седьмого века дня Траяна Всеслав Полоцкий. Минск, 1991; *Андреев А., Андреев М.* Выдающиеся белорусские политические деятели Средневековья // URL: http://www.tinlib.ru/istorija/vydayushiesja_belorusskie_politicheskie_dejateli_srednevekovja/p2.php.
33. Всеслав Чародей и Беларусь во время его правления // URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=3574#p1.
34. *Исаева О.Н.* Македонский дискурс в современной историографии // Славянский альманах. 2009. М., 2010. С. 243.

Е.М. Белецкая (г. Тверь, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Литература возникла на Руси одновременно с принятием христианства. Появление письменности, которая была необходима во всех сферах государственной и общественной жизни, в международных отношениях, в юридической практике, определялось государственными потребностями. Ее интенсивное развитие стимулировало деятельность переводчиков и переписчиков, а главное – способствовало появлению оригинальной литературы,